

Текст В.П. Астафьева для написания сочинения ЕГЭ (№33)

(1)Последней военной осенью я стоял на посту возле пушек в небольшом разбитом польском городе. (2)Это был первый иностранный город, который я видел в своей жизни. (3)Он ничем не отличался от разрушенных городов России. (4)И пахло в нём так же: гарью, трупами, пылью. (5)Меж изуродованных домов по улицам, заваленным ломью, кружило листву, бумагу, сажу. (6)Над городом мрачно стоял купол пожара.

(7)Он слабел, опускался к домам, проваливался в улицы и переулки, дробился на усталые кострища. (8)Но раздавался долгий, глухой взрыв, купол подбрасывало в тёмное небо, и всё вокруг озарялось тяжёлым багровым светом. (9)Листья с деревьев срывало, кружило жаром вверху, и там они истлевали.

(10)На горящие развалины то и дело обрушивался артиллерийский или миномётный налёт, нудили в высоте самолёты, неровно вычерчивали линию фронта немецкие ракеты за городом, искрами осыпаясь из темноты в бушующий огненный котёл, где корчилось в последних судорогах человеческое прибежище.

(11)Мне чудилось: я один в этом догорающем городе и ничего живого не осталось на земле. (12)Это ощущение постоянно бывает в ночи, но особенно гнетуще оно при виде разора и смерти. (13)Но я-то знал, что совсем неподалёку — только перескочить через зелёную изгородь, обжаленную огнём, — в пустой избе спят наши расчёты, и это немного меня успокаивало.

(14)Днём мы заняли город, а к вечеру откуда-то, словно из-под земли, начали появляться люди с узлами, с чемоданами, с тележками, чаще с ребятишками на руках. (15)Они плакали у развалин, вытаскивали что-то из пожарищ. (16)Ночь укрыла бездомных людей с их горем и страданиями. (17)И только пожары укрыть не смогла.

(18)Неожиданно в доме, стоявшем через улицу от меня, раздались звуки органа. (19)От дома этого при бомбёжке отвалился угол, обнажив стены с нарисованными на них сухощёкими святыми и мадоннами,

глядящими сквозь копоть голубыми скорбными глазами. (20)Неловко мне было за себя, за людей, под укоряющими взглядами святых, и ночью нет-нет да выхватывало отблесками пожаров лики с повреждёнными головами на длинных шеях.

(21)Я сидел на лафете пушки с зажатым в коленях карабином и покачивал головой, слушая одинокий среди войны орган. (22)Когда-то, после того как я послушал скрипку, мне хотелось умереть от непонятной печали и восторга. (23)Глупый был.

(24)Малый был. (25)Я так много увидел потом смертей, что не было для меня более ненавистного, проклятого слова, чем «смерть». (26)И потому, должно быть, музыка, которую я слушал в детстве, переломилась во мне, и то, что пугало в детстве, было вовсе и не страшно, жизнь припасла для нас такие ужасы, такие страхи...

(27)Да-а, музыка та же, и я вроде бы тот же, и горло моё сдавило, стиснуло, но нет слёз, нет детского восторга и жалости чистой, детской жалости. (28)Музыка разворачивала душу, как огонь войны разворачивал дома, обнажая то святых на стене, то кровать, то качалку, то рояль, то тряпки бедняка, убогое жилище нищего, скрытые от глаз людских — бедность и святость, — всё-всё обнажилось, со всего сорваны одежды, всё подвергнуто унижению, всё вывернуто грязной изнанкой, и оттого-то, видимо, старая музыка повернулась иной ко мне стороною, звучала древним боевым кличем, звала куда-то, заставляла что-то делать, чтобы потухли эти пожары, чтобы люди не жались к горящим развалинам, чтобы зашли они в свой дом, под крышу, к близким и любимым, чтобы небо, вечное наше небо, не подбрасывало взрывами и не сжигало адовым огнём.

(29)Музыка гремела над городом, глушила разрывы снарядов, гул самолётов, треск и шорох горящих деревьев. (30)Музыка властвовала над оцепенелыми развалинами, та самая музыка, какую, словно вздох родной земли, хранил в сердце человек, который никогда не видел своей родины, но всю жизнь тосковал о ней.